

ХУЛИО
КОРТАСАР

ХУЛИО
КОРТАСАР
ВСЕ ОГНИ – ОГОНЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.134.2-32(82)

ББК 84(7Арг)-44

К69

Серия «Классики магического реализма»

Julio Cortázar

TODOS LOS FUEGOS EL FUEGO

OCTAEDRO

ALGUIEN QUE ANDA POR AHÍ

Перевод с испанского

Серийное оформление и компьютерный дизайн В.Е. Половцева

Печатается с разрешения наследников автора
и литературного агентства Agencia Literaria Carmen Balcells, S.A.

Кортасар, Хулио..

Все огни — огонь : [сборник : перевод с испанского] /
Хулио Кортасар. — Москва : Издательство АСТ, 2017. —
480 с. — (Классики магического реализма).

ISBN 978-5-17-100646-4

Хулио Кортасар. Первый из «золотой троицы» латиноамериканской прозы середины прошлого века Кортасар — Борхес — Маркес, непревзойденный мастер испаноязычной литературы.

В своих произведениях Кортасар мастерски переплетает обыденную жизнь с фантастическим вымыслом, его герои почти всегда существуют в двух ипостасях — в тесных границах своей телесной оболочки и в безграничном пространстве сознания. Кортасар — один из немногих, кто сумел удержаться на этой тонкой грани между яркой чувственной реальностью и бесплотной фантазией.

В книгу вошли авторские сборники писателя «Все огни — огонь», «Восьмигранник», «Тот, кто бродит вокруг».

УДК 821.134.2-32(82)

ББК 84(7Арг)-44

ISBN 978-5-17-100646-4

© Heirs of Julio Cortázar, 1966, 1974, 1977

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ВСЕ ОГНИ —
ОГОНЬ

ЮЖНОЕ ШОССЕ*

Gli automobilisti sembrano non avere storia... Come realtà, un ingorgo automobilistico impressiona ma non ci dice gran che.

Arrigo Benedetti
"L'Espresso", Roma, 21/6/1964**

В начале девушка из «Рено-Дофин» упорно вела подсчет времени, а инженеру из «Пежо-404» было уже все равно. Глядишь ты на часы, нет ли — время, пристегнутое к запястью, или бибикающее по радио, так или иначе протекает в другом измерении, для тех, кому хватило ума не тащиться в Париж по южному шоссе в воскресный вечер; им не пришлось, едва выехав из Фонтенбло, замедлить ход, остановиться, в шесть рядов на каждой полосе (известно, что по воскресеньям южное шоссе находится полностью в распоряжении тех,

* © Перевод. А. Миролюбова, 2016

** У автомобилистов, кажется, нет истории... На самом деле, автомобильная пробка впечатляет, но ничего особого для нас не значит.

Arrigo Benedetti
«Эспрессо», Рим, 21/6/1964

кто возвращается в столицу); завести мотор, проехать три метра, остановиться, поговорить с двумя монахинями из малолитражки справа, с девушкой из «дофина» слева; посмотреть в зеркальце заднего вида на бледного мужчину за рулем «каравеллы»; иронически позавидовать птичьему счастью, уютному гнездышку семейства из «Пежо-203» (сразу за «дофином» девушки), где родители играют с дочуркой, шутят и едят сыр; или сносить терпеливо бешеные выкрики юнцов из «симки», что стоит перед «Пежо-404», а иногда даже спускаться с высот и выходить на разведку, не слишком далеко (как знать, в какой момент передние машины сдвинутся с места, и придется бежать бегом, чтобы водители задних не открыли военные действия, давая на клаксоны и извергая проклятия), и так дойти до «таунуса» перед «дофином» девушки, которая каждую минуту смотрит на часы, обмениваться фразами, унылыми или насмешливыми, с двумя мужчинами: с ними едет белокурый мальчик, он свободно катает по задним сиденьям и задней панели «таунуса» игрушечную машинку — отличное развлечение, если учесть обстоятельства; или, осмелев, пройти еще немного, ведь, судя по всему, передние машины вряд ли начнут двигаться, и поглядеть с толикой жалости на пожилых супругов в шикарном «ИД-Ситроене», который похож на гигантскую фиолетовую ванну, где плавают эти старички: он положил руки на руль с видом усталым и покорным, она жует яблоко, не потому, что хочется, а чтобы занять себя.

В четвертый раз проделав этот путь и совершив такие действия, инженер решил больше не выходить из машины, а дожидаться, пока полицейские не разрулят пробку. Августовская жара вдобавок ко времени, ко-

торое тащилось наравне с шинами, выводила из себя все сильнее — запах бензина, вопли юнцов из «симки», блики солнца на стеклах и хромированных корпусах, и в довершение всего тягостное противоречивое чувство: ты заперт посреди густого леса машин, придуманных для быстрой езды. «Четыреста четвертый» «пежо» инженера стоял на правой полосе, вторым от разделительной линии; таким образом, справа теснились четыре автомобиля, слева — семь, хотя на самом деле он мог отчетливо видеть только те восемь машин, которые его окружали, и людей, находившихся внутри, разглядывать которых ему уже надоело. Он переговорил со всеми, кроме мальчишек из «симки», к которым не испытывал симпатии; за разговорами обсудили сложившуюся ситуацию в малейших подробностях; у всех складывалось такое впечатление, что до Корбей-Эссон движение будет плотным, даже более того, но между Корбей и Жювизи ритм ускорится, когда при участии вертолетов и мотоциклов рассосется самый скверный затор. Никто не сомневался в том, что где-то впереди произошла очень серьезная авария, иначе никак не объяснить такое невероятно медленное продвижение. Правительство, жара, налоги, ремонт дорог, с одной общей темы на другую, три метра, очередное общее место, пять метров, глубокомысленное замечание или сдержанное проклятие.

Монахиням из малолитражки очень не помешало бы прибыть в Мийи-ла-Форе к восьми, поскольку они везли кухарке корзину овощей. Супруги из «Пежо-203» больше всего переживали, что пропустят телевизионный конкурс в половине десятого; девушка из «дофина» призналась инженеру, что ей все равно, когда приехать

в Париж, а жалуется она из принципа, ведь это форменный произвол — заставлять тысячи людей двигаться со скоростью каравана верблюдов. За эти последние часы (уже, наверное, почти пять, хотя жара никак не спадает) они продвинулись метров на пятьдесят, по прикидке инженера, но один из пассажиров «таунуса», который подошел поболтать, ведя за руку мальчика с машинкой, ироническим жестом указал на крону одинокого платана, и девушка из «дофина» вспомнила, что этот платан (а может, каштан) находился вровень с ее автомобилем так долго, что не стоило уже и глядеть на запястье, тем более забивать голову бесполезными расчетами.

Вечер никак не наступал, от бликов солнца на автобане и корпусах машин голова кружилась до тошноты. Черные очки, носовые платки, смоченные одеколоном, всякие подручные средства защиты от слепящих отражений и газов, извергаемых выхлопными трубами при каждом продвижении вперед, сооружались и совершенствовались; ими обменивались, их достоинства обсуждались. Инженер вышел еще раз, чтобы размять ноги, перебросился несколькими словами с парой деревенского вида в «Симке-Ариан», которая стояла перед малолитражкой монахинь. За малолитражкой находился «фольксваген», а в нем — солдат и девушка, по виду молодожены. Третий ряд по направлению к обочине инженера уже не интересовал, опасно было так удаляться от своего «Пежо-404»; он различал цвета, формы: «Мерседес-Бенц», «ИД-Ситроен», «4Р», «лянчия», «шкода», «Моррис-Майнор» — и далее по каталогу. Слева, на противоположной полосе, тоже простирались непроходимые дебри: «рено», «Форд-Англия», «пежо», «порше», «вольво»; вид был таким однообразным, что,

поболтав с двумя мужчинами из «таунуса» и предприняв безуспешную попытку обменяться впечатлениями с одиноким водителем «каравеллы», инженер рассудил, что самое лучшее — вернуться в «Пежо-404» и вновь завязать ту же беседу о времени, расстояниях и кино с девушкой из «дофина».

Иногда приходил чужак, проскальзывая между машинами с другой полосы или справа, с того края, что ближе к обочине, и приносил какую-нибудь весть, чаще всего ложную, которую повторяли от автомобиля к автомобилю на протяжении многих раскаленных километров. Чужак смаковал свои вести, наслаждался их успехом: дверцы хлопали, пассажиры торопились услышать, обсудить; но через какое-то время раздавался звук клаксона или рев мотора, и чужак бросался бежать; все смотрели, как он зигзагами пробирается между машинами — поскорей запрыгнуть в свою, не подвергая себя праведному гневу окружающих. Так, в один вечер пронесся слух, будто «флорида» столкнулась с фургоном недалеко от Корбей, трое погибли, ребенок ранен; «Фиат-1500» врезался в фургон «рено», а тот раздавил «остин», полный английских туристов; перевернулся автобус из Орли, битком набитый пассажирами, прилетевшими из Копенгагена. Инженер был уверен, что все это, или почти все, — неправда, хотя что-то серьезное наверняка произошло вблизи Корбей, даже, возможно, на подступах к Парижу, ведь не зря движение застопорилось до такой степени. Крестьяне из «Симки-Ариан», у которых была ферма неподалеку от Монтрё и которые хорошо знали местность, рассказывали, что в прошлое воскресенье пробка стояла пять часов, но этот отрезок времени стал уже казаться мизерным по

мере того, как солнце, снижаясь слева от шоссе, обрушивало на каждую машину последние лавины апельсинового желе, от которого раскалялся металл, и в глазах темнело, и дерево, оставшееся на спиной, все никак не исчезало, а другой темный силуэт, едва видневшийся в отдалении, все никак не приближался, хоть на самую чуточку, только чтобы почувствовать, что колонна на самом деле движется, пусть и едва-едва, пусть приходится останавливаться, и снова двигаться вперед, и внезапно давить на тормоз, и все время только на первой скорости, оскорбительное, горькое разочарование — переходить от первой скорости к полной остановке, ножной тормоз, ручной тормоз, стоп, и так еще раз, и еще, и еще.

В какой-то момент инженеру осточертело бездействие, и он решил воспользоваться остановкой воистину бесконечной, чтобы пройтись по рядам слева; оставив за спиной «дофин», он обнаружил «ДКВ», еще одну малолитражку, «Фиат-600» и остановился перед «Де-Сото», чтобы обменяться впечатлениями со встревоженным туристом из Вашингтона, который почти не понимал по-французски, но непременно должен был в восемь вечера прибыть на площадь Оперы: *you understand, my wife will be awfully anxious, damn it**; они еще говорили о том о сем, когда какой-то мужчина, по виду коммивояжер, вылез из «ДКВ» и поведал, что недавно кто-то принес весть, будто «Пайпер-Каб» рухнул прямо посередине шоссе, несколько человек погибли. Американцу до «Пайпер-Каба» не было абсолютно никакого дела,

* Вы понимаете, моя жена будет ужасно волноваться, будь оно проклято (англ.).

да и инженеру тоже: услышав хор клаксонов, он поспешил обратно в «четыре́ста четвертый», по дороге поделившись новостями с двумя мужчинами из «таунуса» и супругами из «двести третьего». Более подробное объяснение он приберет для девушки из «дофина», а машины тем временем протащились еще несколько метров (теперь «дофин» немного отстал от «четыре́ста четвертого», чуть позже будет наоборот, но на самом деле двенадцать автомобилей, выстроившихся в ряд, двигались практически единым блоком, словно какой-то невидимый регулировщик посередине шоссе повелевал всем двигаться одновременно, никому не давая преимущества). «Пайпер-Каб», девушка, это маленький самолет для прогулок. Ага. Не в добрый час исхитрились они разбиться прямо посреди шоссе воскресным вечером. Если бы по крайней мере не было так жарко в проклятых машинах; если бы деревья справа наконец остались позади; если бы последняя цифра на спидометре провалилась раз и навсегда в свою черную дырочку, а не висела до бесконечности, прицепленная за хвостик.

В какой-то момент (мягко опускался вечер, крыши автомобилей залиловели до самого горизонта) крупная белая бабочка села на ветровое стекло «дофина»; девушку и инженера восхитило, как она сложила крылышки в краткий, совершенный миг покоя; с отчаянной тоской следили они, как бабочка удаляется, пролетает над «таунусом», над фиолетовым «ИД» старичков; направляется к «Фиату-600», который из «четыре́ста четвертого» уже не виден; возвращается к «симке», откуда высовывается хищная рука в тщетном намерении изловить; любовно порхает над «арианом» крестьян, которые вроде бы что-

то едят, и исчезает справа. В сумерках колонна сделала первый заметный рывок, почти сорок метров; когда инженер бросил рассеянный взгляд на спидометр, половина шестерки уже исчезла, и сверху показался краешек цифры семь. Почти все слушали радио, ребята из «симки» свое врубili на полную громкость, подпевали и дергались под твист, да так, что трясса автомобиль; монахини перебирали четки, а мальчик из «таунуса» заснул, уткнувшись лицом в стекло, не выпуская из рук игрушечную машинку. В какой-то момент (уже стояла глухая ночь) явились чужаки с очередными вестями, такими же противоречивыми, как прежние, уже позабытые. Разбился не «Пайпер-Каб», а планер, которым управляла какая-то генеральская дочка. Это точно, что фургон «рено» раздавил «остин», но не в Жювизи, а почти что при въезде в Париж; один из чужаков поведал супругам из «двести третьего», что дорожное покрытие провалилось на уровне Иньи, и пять машин перевернулись, когда передние колеса попали в трещину. Весть о стихийном бедствии начала распространяться и дошла до инженера, который молча пожал плечами. Позже, возвращаясь к этим первым часам темноты, когда все вздохнули чуть свободнее, он вспомнил, что в какой-то момент протянул руку в окошко и постучал по капоту «дофина», чтобы разбудить девушку, которая уснула, склонившись на руль, уже не беспокоясь о том, когда последует новый рывок. Не иначе, как наступила полночь, когда одна из монашек робко предложила ему бутерброд с ветчиной: он ведь наверняка проголодался. Инженер взял бутерброд из вежливости (на самом деле его подташнивало) и попросил позволения разделить его с девушкой из «дофина»: та с аппети-

том съела и бутерброд, и шоколадку, которой угостил ее водитель «ДКВ», сосед слева. Многие вышли из раскаленных автомобилей, поскольку снова вот уже несколько часов не наблюдалось никакого продвижения вперед; люди начинали страдать от жажды — кончились запасы лимонада, кока-колы и даже вина. Первой захныкала девочка из «двести третьего»; солдат и инженер вместе с отцом девочки вылезли из автомобилей и пошли искать воду. Перед «симкой», где радио, похоже, заменяло и пищу, и питье, инженер обнаружил «болье», в котором сидела женщина средних лет с беспокойным взглядом. Нет, воды у нее нет, но она может дать для девочки несколько леденцов. Супруги из «ИД» пошептались немного, потом старушка порылась в сумке и вынула небольшую банку фруктового сока. Инженер поблагодарил и осведомился, не голодны ли они и не может ли он быть чем-нибудь полезен; старик отрицательно помотал головой, но его жена, кажется, безмолвно согласилась принять помощь. Чуть позже девушка из «дофина» и инженер вместе прочесали ряды слева, не слишком удаляясь; они достали для старушки из «ИД» немного печенья и вернулись как раз вовремя, под ливнем клаксонов.

Кроме этих недолгих прогулок, заняться было почти что нечем, и в конечном итоге один час накладывался на другой, оставаясь в памяти всегда одним и тем же; в какой-то момент инженер подумал, не вычеркнуть ли этот день из календаря в ежедневнике, и чуть было не расхохотался, но позже, когда прикидки монашек, мужчин из «таунуса» и девушки из «дофина» перестали совпадать, он понял, что следовало тщательнее вести счет времени. Местные радиостанции прекратили ве-